
Цвета в логическом пространстве Людвига Витгенштейна*

© 2020 г.   Е.Г. Драгалина-Черная

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4.*

E-mail: edragalina@hse.ru

Поступила 18.11.2019

В статье ставится задача истолкования того смысла, который вкладывает Людвиг Витгенштейн в логическое исследование цветовых понятий на разных этапах эволюции его представлений о логике, языке и восприятии цвета, а также того влияния, которое оказывает это исследование на демаркацию им границ логики и логического пространства. Во-первых, предпринимается попытка прояснения интерпретации Витгенштейном логического пространства в связи с его концепцией внутренних отношений и проблемой взаимного исключения цветов в «Логико-философском трактате». Во-вторых, осуществляется критический анализ феноменологии цвета «среднего» Витгенштейна и его проекта экспликации необходимых утверждений о цвете (например, о невозможности красновато-зеленого цвета) через обращение к геометрии пространства цветности (цветовому октаэдру). В-третьих, показываются преимущества языковых игр с цветовыми понятиями в моделировании баланса между логикой и эмпирическим знанием. В качестве *case study* рассматривается идея Витгенштейна о логической структуре смешанных цветов. В заключение выявляются те перспективы, которые открывает витгенштейнианская логика цветовых понятий для интерпретации сообщений об экспериментальном восприятии красновато-зеленого и других «марсианских» цветов.

Ключевые слова: Л. Витгенштейн, логическое пространство, визуальное пространство, инвариантность, цветовой октаэдр, языковая игра, красновато-зеленый цвет.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–6–146–156

Цитирование: Драгалина-Черная Е.Г. Цвета в логическом пространстве Людвига Витгенштейна // Вопросы философии. 2020. № 6. С. 146–156.

---

* Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100».

Colours in Ludwig Wittgenstein's Logical Space*

© 2020 Elena G. Dragalina-Chernaya

National Research University Higher School of Economics,
21/4, Staraya Basmannaya str., Moscow, 105006, Russian Federation.

E-mail: edragalina@hse.ru

Received 18.11.2019

This paper attempts to provide an interpretation of Ludwig Wittgenstein's logical study of colour concepts at different stages of the evolution of his approach to logic, language, and colour perception. It endeavors to reveal the influence of this study on the demarcation of the boundaries of logic and logical space. Firstly, I try to clarify Wittgenstein's idea of logical space in «Tractatus Logico-Philosophicus» focusing on the concept of internal relations and the colour exclusion problem. Secondly, I address the "middle" Wittgenstein's phenomenology of colours and his attempts to explain the necessity of propositions like "There cannot be a reddish-green" by reference to the geometry of colour, particularly to the colour octahedron. Thirdly, I argue for the advantages of language-game approach to the logic of colour concepts as an attempt of modelling a balance between logic and the empirical. This paper addresses, finally, Wittgenstein's idea that mixed colours (e.g., bluish green, reddish green, etc.) possess logical structures. The paper offers an analysis of Wittgensteinian perspective on the interpretation of reports about reddish-green and other "Martian" colours experimental perception.

Keywords: L. Wittgenstein, logical space, visual space, invariance, colour octahedron, language game, reddish green.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-6-146-156

Citation: Dragalina-Chernaya, Elena (2020) "Colours in Ludwig Wittgenstein's Logical Space", *Voprosy Filosofii*, Vol. 6 (2020), pp. 146–156.

Среди цветов: Родство и Контраст. (И это логика.)

Людвиг Витгенштейн. Заметки о цвете

Интерес к цвету и цветообозначению проходит через всю творческую жизнь Людвига Витгенштейна, определяя самые крутые ее повороты. «Цвета, – замечает он, – побуждают нас философствовать» [Витгенштейн 1994⁶, 472]. Почему же цвета – этот стандартный полигон философствования – побуждают Витгенштейна к занятию именно логикой, ведь их релевантность для логики далеко не так очевидна, как, скажем, для философии сознания или философской антропологии? Почему Витгенштейн упорно, невзирая на радикальный пересмотр ранних взглядов, характеризует свое исследование цвета как логическое, до конца жизни надеясь установить «логику цветовых понятий» [Wittgenstein 1977, 5]? И, с другой стороны, какое влияние вариативность его исследовательской навигации в логическом пространстве цветности оказывает на демаркацию границ этого пространства и, как следствие, дисциплинарных границ логики?

---

* The article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program.

«Логико-философской трактат»: проблема взаимного исключения цветов

На первый взгляд идеальный логический мир «Трактата» вообще лишен цвета. «Между прочим: объекты бесцветны» (2.0232), – интригует читателя автор, оставляя его в недоумении. Как же так? А зеленая трава, красное солнце и голубое небо? Разве зеленый, красный и голубой – это не цвета объектов? «Трактат» дает прямой, но все же вызывающий к новым герменевтическим усилиям ответ: «Пространство, время и цвет (цветность) есть формы объектов» (2.0251). Трактовка формы как «возможности структуры» (2.033) подключает к обсуждению категории структуры и логического пространства возможностей: «Каждая вещь существует как бы в пространстве возможных атомарных фактов» (2.013). Какого же рода структуры Витгенштейн признает логическими? И какова геометрия логического пространства, в котором возможны эти структуры?

В истории логики, наряду с теоретико-доказательственной ее трактовкой как теории правильных рассуждений, или – уже – корректных доказательств, можно обнаружить семантическое ее истолкование как теории формальных аспектов универсума, или – в теоретико-модельных терминах – специфических классов структур. Практически общепризнанно, что логика имеет дело с наиболее общими структурами. Так, согласно Альфреду Тарскому, логическими являются понятия, инвариантные относительно любых перестановок индивидов в области, то есть биекции (изоморфного отображения) области на себя [Tarski 1986]. Критерий инвариантности Тарского распространяет на область логики Эрлангенскую программу Феликса Клейна, который в 1872 г. выдвинул в качестве основания классификации различных геометрий инвариантность соответствующих геометрических понятий относительно определенных групп преобразований. Скажем, евклидова геометрия рассматривает свойства фигур, инвариантные относительно движений без деформации, полагая равными фигуры, которые можно перевести друг в друга движением. Логика, имеющая дело с самой обширной группой неструктурных преобразований – биективными преобразованиями, – вообще не различает индивидные объекты и, в частности, не различает их по цвету, что исключает саму возможность какой-либо логики цветовых понятий.

Витгенштейн, однако, не рассматривает предельную общность как отличительный признак логических структур. Принципиальным для него является то, что эти структуры воспроизводят внутренние (формальные) отношения. «Свойство является внутренним, – пишет он, – если немисливо, что объект им не обладает. (Этот голубой цвет и тот стоят *eo ipso* во внутреннем отношении более светлого и более темного. Немисливо, чтобы эти два объекта не стояли в этом отношении друг к другу.)» (4.123). Внутренние отношения цветовых оттенков коррелируют с логической структурой цвета: «...для двух цветов невозможно находиться одновременно в одном и том же месте в поле зрения, и именно логически невозможно, так как это исключается логической структурой цвета» (6.3751).

Путь к логическому исследованию цветовых понятий открыт, однако на этом пути адептов трактатной онтологии подстерегает серьезное затруднение, получившее название проблемы взаимного исключения цветов. Дело в том, что взаимное отрицание элементарных высказываний о цвете входит в противоречие с ключевым постулатом «Трактата» о независимости элементарных высказываний. Витгенштейн осознает и эксплицитно формулирует эту проблему: «Ясно, что логическое произведение двух элементарных предложений не может быть ни тавтологией, ни противоречием. Утверждение, что точка в поле зрения в одно и то же время имеет два различных цвета, есть противоречие» (6.3751).

Концептуальные рамки «Трактата» оказываются, однако, настолько тесными для разрешения этой мучительной для его автора коллизии, что, как замечает Питер Хакер, «...ранняя философия Витгенштейна претерпела коллапс именно из-за неспособности решить проблему исключения цветов» [Hacker 1972, 86].

«Некоторые замечания о логической форме»: феноменология цвета

В 1929 году в материалах конференции Аристотелевского общества и *Mind Association* выходит статья Витгенштейна «Некоторые замечания о логической форме», которой доведется стать единственной работой, опубликованной самим Витгенштейном после «Трактата». Несмотря на то, что он быстро разочаровался в намеченном в этой работе проекте «логического исследования самих феноменов» – настолько быстро, что даже выступал на конференции с докладом на другую тему (см. [Монк 2018, 282]) – проект 1929 г. стал пусть и кратким, но важным переходным этапом в исследовании Витгенштейном логики цветовых понятий.

В «Некоторых замечаниях о логической форме» он признается в ошибке, допущенной в «Трактате», и не исключает взаимозависимости элементарных высказываний, полагая при этом, что адекватная репрезентация их логической формы достигается «посредством того, что можно было бы назвать логическим исследованием самих феноменов, т. е. в определенном смысле *a posteriori*, а не строя предположения о возможностях *a priori*» [Витгенштейн 2009, 322].

Необходимый характер взаимного исключения элементарных высказываний о цвете представляет собой, однако, не индуктивное обобщение опыта в его обычном понимании, а следствие геометрической организации пространства цветности, то есть геометрических отношений между базовыми цветами с закрепленными за ними участками цветового спектра. В свою очередь, геометрия пространства цветности задается физиологически мотивированными структурами, такими, как цветовой октаэдр из «Философских заметок» Витгенштейна, начатых в том же 1929 г.

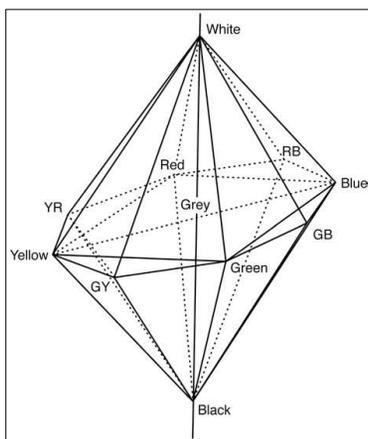

Рис. 1. Цветовой октаэдр из «Философских заметок» Витгенштейна [Wittgenstein 1975, 278]

В «Философских заметках» Витгенштейн выделяет различные виды пространства: цвета, слуха, боли, кинестетическое, тактильное, визуальное. Обсуждение геометрии этих пространств в терминах метагеометрической программы Клейна потребовало бы обращения к инвариантностям иного уровня, нежели инвариантность логических понятий относительно биективных преобразований, в частности, к таким, которые сохраняют структуру цветового октаэдра. Получается, таким образом, что подобные структуры накладывают *ad hoc* ограничения на логическое пространство, распадающееся на различные регионы, управляемые отнюдь не логикой, а физиологией, психологией, физикой. Может быть, прав в таком случае Фрэнк Рамсей, полагавший, что Витгенштейн сводит затруднение с логической несовместимостью элементарных высказываний к «затруднению с необходимыми свойствами пространства, времени, материи или чего-то еще» [Рамсей 2011, 326]?

Против такой интерпретации направлены, однако, настойчивые напоминания Витгенштейна о грамматическом характере геометрии цветового пространства: «Цветовой октаэдр... часть грамматики... Он говорит нам, что мы можем делать: мы можем сказать о зеленом-голубом, но не о зеленом-красном и т. д.» [Wittgenstein 1980^a, 8]. Цветовой октаэдр принадлежит грамматике, так как определяет не истинность, а осмысленность наших высказываний о цвете, обеспечивая не физическое, а феноменологическое описание. «Физика, – подчеркивает Витгенштейн, – стремится установить закономерности; она не касается того, что возможно. Поэтому физика, даже на самой высокой стадии своего развития, не дает описания структуры феноменологического положения дел. В феноменологии речь всегда идет о возможности, то есть о смысле, а не об истине» (см. [Вайсман 1998, 50]).

Довольно быстро, уже в 30-х гг., Витгенштейн отказывается от попыток найти идеальную геометрическую структуру для феноменологической репрезентации цвета. В «Философских заметках» он признает, что цветовой октаэдр обеспечивает лишь грубую репрезентацию цветового пространства, предпочитая рассматривать цветовые шкалы лишь как более или менее удобные измерительные инструменты. Измерение с помощью одной шкалы автоматически исключает измерение с помощью другой, и «...подобно тому, как все деления шкалы находятся на *одной* рейке, высказывания, соответствующие делениям шкалы, должны согласовываться друг с другом, и мы не можем измерять с помощью одного из них без того, чтобы одновременно не измерять с помощью других. Не высказывания, а *системы* высказываний я сопоставляю реальности как измерительные шаблоны» [Wittgenstein 1975, 110].

Не только цветовой октаэдр, но и геометрию Евклида Витгенштейн считает частью грамматики. Он подчеркивает, что геометрия не является «...физикой геометрических прямых линий и кубов. Она конституирует значение слов “линия” и “куб”. Роль, которую куб играет в геометрии, – это роль *символа*, а не роль твердого тела, с которым приблизительно сравним реальный куб» [Витгенштейн 2013, 118]. Аналогичным образом чистые монохроматические цвета, отношения между которыми устанавливаются цветовым октаэдром, не являются идеальными цветами, с которыми приблизительно сравнимы реальные цвета. Говоря о прямой дороге, вымощенной желтым кирпичом, мы не стремимся, пусть и несовершенным образом, описать прямую Евклида и монохроматический желтый цветовой октаэдр. Однако, если геометрия Евклида и цветовой октаэдр конституируют значения геометрических и цветовых понятий, то получается, что каждый раз, говоря о своем визуальном опыте, мы бесосознательно практикуемся в геометрических и физиологических теориях, «вшитых» в грамматику такого говорения. Психологическая необусловленность этого предположения усугубляется тем, что цветовой октаэдр не предоставляет эффективных критериев грамматически корректного использования цветовых терминов, а лингвистическая типология не подтверждает наличия в языке системы дискретных базовых цветов, соответствующим абстрактным цветовым образцам. Критикуя стандартную методику лингвистических экспериментов, предполагающую сопоставление цветовым терминам эталонных табличек, покрашенных в разные цвета, Е.В. Рахилина отмечает: «...изучая значение, скажем, глагола вращения, лингвисты обычно не демонстрируют информанту картинки, иллюстрирующие эту ситуацию как абстрактный эталон, а действуют совсем другим способом: фиксируют разные типы употребления этого слова в реальных предложениях данного языка, классифицируют их – и так, на основе анализа **текста**, устанавливают границы значения слова. И если бы они решили изучить семантику прилагательного *чистый* в разных языках, вряд ли бы они стали с этой целью предъявлять информантам дощечки разной степени чистоты» [Рахилина 2008, 194].

В «Лекциях по основаниям математики» 1939 г. Витгенштейн обращает внимание на различие двух трактовок высказывания о синем цвете: «Мы можем сказать, что “Здесь есть синие книги” – это высказывание о синем; или же, полагая, что это высказывание не о синем, поскольку “синее” в нем лишь прилагательное, можем сказать,

что “Синее темнее желтого” — это высказывание о синем. Утверждаю, что путь, по которому я иду, — это первый путь» [Wittgenstein 1976, 250].

Стремление к ясности в понимании реальной практики цветообозначений, которой мы лишены из-за приверженности представлению о чистых монохроматических цветах, не оставляет Витгенштейна до последних дней его жизни. Его завершающие размышления о логике цветовых понятий бережно объединены издателем Элизабет Энском в «Заметках о цвете».

«Заметки о цвете»: языковые игры с цветовыми понятиями

Обсуждать концепцию «Заметок о цвете» сложно не только потому, что они состоят в большей степени из вопросов, чем из ответов, но и потому, что объединение записей, сделанных Витгенштейном в два последних года его жизни, по тематическим признакам – «о цвете», «о достоверности» – в значительной мере является издательским решением. Все эти записи неотделимы друг от друга и пронизаны сквозными темами – необходимость, достоверность, сомнение, языковая игра. Необходимость у позднего Витгенштейна – это характеристика языковой игры. И это касается необходимых утверждений о цветовых отношениях. Утверждения о цвете необходимы не потому, что они выражают сущность цвета или его восприятия, а потому что они – часть нашей языковой игры. Цветообозначения не наклеиваются, как ярлыки, на цветовые ощущения и не являются их именами, но приобретают значение лишь в контексте разношерстных языковых игр, которые, как правило, не имеют дело с безоттеночными образцами чистых насыщенных цветов. «Лихтенберг говорит, – замечает Витгенштейн, – что очень немногие люди когда-либо видели чистый белый цвет. Означает ли это, что большинство людей употребляет данное слово неверно? И как он сам научился правильно его употреблять? – Напротив: он сконструировал идеальное употребление из обычного. Так же, как мы конструируем геометрию. А “идеал” означает не что-то особенно хорошее, но только что-то доведенное до крайности» [Wittgenstein 1977, 21].

Идеальный вариант употребления не предпослан нам как априорный образец, а конструируется на основе обыденного, которое не подчиняется единообразной логике: «Несложно заметить, – подчеркивает Витгенштейн, – что не все цветовые понятия следуют единой логике. Например, различия в понятиях “цвета золота” или “цвета серебра” и “желтого” или “серого”» [Ibid., 9]. «Наши цветовые понятия иногда связаны с субстанциями (снег белый), иногда – с поверхностями (этот стол коричневым), иногда – с освещением (в красноватом вечернем свете), иногда – с прозрачными телами» [Ibid., 50]¹. Утопичность задачи разработки логики, универсальной для всех цветовых понятий, обусловлена вариативностью критериев отождествления цветов: «...мы имеем не *одно*, а несколько понятий сходства цветов, причём родственных друг другу» [Ibid., 49].

Языковые игры с цветовыми понятиями не ограничиваются перцептивной сферой, но задействуют память, воображение, культурные коды. Рассматривая черно-белую фотографию, мы видим мужчину с темными и мальчика с белокурыми волосами [Ibid., 53]². Как бы отождествляли цвета люди, у которых цветовые понятия были бы связаны с формой и существовали бы специальные слова для красного квадрата, красного круга и зеленого круга? Предположили бы они, что у красных и зеленых кругов есть сходство? [Ibid., 37]. Совпадает ли понятие цветовой слепоты у здоровых людей с понятием цветовой слепоты у страдающих цветовой слепотой [Ibid., 13] и могли бы они выучить «нормальное» использование слов, обозначающих цвет, в популяции таких людей [Ibid., 55]? Цепочка подобных вопросов приводит Витгенштейна к постановке ключевой для его многолетних странствий по пространству цветности проблемы: «Разве мы не можем представить, что какие-то люди имеют другую геометрию цвета, чем мы?» Это, конечно, значит: “Можем ли мы представить людей, чьи цветовые понятия отличаются от наших?” И это, в свою очередь, означает: “Разве мы не можем

представить людей, которые не обладают нашими цветовыми понятиями, но обладают понятиями, связанными с нашими таким образом, что мы и их тоже можем называть «цветовыми понятиями»?» [Wittgenstein 1977, 11].

Не влечет ли, однако, приобретение пространством цветности психологического и антропологического измерений одновременную утрату им изначально логического характера? Очевидно, нет, ведь Витгенштейн продолжает настаивать на стремлении создать не физиологическую или психологическую теорию цвета, а логику цветовых понятий. Но если цветовые понятия приобретают содержание лишь в контексте языковых игр и универсальная логика для них невозможна, разумно сосредоточиться на логике конкретного подкласса языковых игр, например, с понятиями невозможных цветов, вызывавших непреходящий интерес Витгенштейна.

Case study: красновато-зеленый и другие «марсианские» цвета

В «Заметках о цвете» высказывание «Возможен синевато-зеленый, но не красновато-зеленый цвет» наделяется статусом логически необходимой истины. Действительно, в обычном перцептивном опыте красновато-зеленый цвет не встречается. Теоретическое объяснение этому факту дает классическая теория цветооппонентности, разработанная в конце XIX в. физиологом Эвальдом Герингом. Согласно этой теории, при передаче нервного импульса в зрительную кору головного мозга по каналу «красный-минус-зеленый» одновременное проведение позитивного («красного») и негативного («зеленого») сигналов невозможно и, следовательно, невозможно также одновременное восприятие этих цветов-антагонистов. Вместе с тем, ни эмпирические факты (красновато-зеленый не наблюдается в обычном перцептивном опыте), ни физиологическое объяснение этих фактов не являются, конечно, достаточным основанием для признания высказывания о невозможности красновато-зеленого цвета логически необходимой истиной. Может быть, все дело в том, что оно, не будучи логической истиной, оказывается, тем не менее, аналитически истинным высказыванием?

Критикуя использование Эдмундом Гуссерлем понятия синтетического (материального) *a priori* в экспликации необходимого характера утверждений о цветовых понятиях (см. [Schlick 1979]) и опасаясь, что феноменологический проект Витгенштейна сближает его с Гуссерлем, Мориц Шлик задал Витгенштейну прямой вопрос: «Что можно возразить философу, который полагает, что высказывания феноменологии являются синтетическими суждениями *a priori*?». В своем ответе Витгенштейн указал на лакуны в различных объяснениях утверждений о цветовых понятиях и заметил лишь, что «...слова можно выдумать, но под ними я ничего не смогу подразумевать» [Вайсман 1998, 53–54]. Тем самым он, скорее, не поддерживает альтернативную трактовку этих утверждений как аналитических, а обращает внимание на неадекватность обычных философских дихотомий, решая традиционную для него терапевтическую задачу избавления от укоренившихся предубеждений.

Действительно, если бы запрет на красновато-зеленый цвет имел аналитический характер, это привело бы к экспликативному коллапсу в случае сообщения о его экспериментальном наблюдении: коль скоро красновато-зеленый цвет невозможен по определению (как и женатый холостяк, например), то такое сообщение могло бы свидетельствовать не о научном открытии, а всего лишь об элементарном незнании его автором собственного языка. Однако сообщения о наблюдении красновато-зеленого цвета относятся даже не к относительно безобидной области мысленных экспериментов, а к реальной научной практике последних десятилетий. Базой научной сенсации стала экспериментальная методика, основанная на отслеживании с помощью специального айтрекера движения глаз испытуемых с целью стабилизации положения цветовых полей на сетчатке, которая была предложена Хьюиттом Крейном и Томасом Пинтанидой [Crane, Piantanida 1983, 1078–1080]. Их результаты не получили должного резонанса, но улучшение методики Винсентом Биллоком и Брайаном Цоу, которые одновременно со стабилизацией изображения на сетчатке стали выравнивать зрительные

поля по яркости, привело к тому, что шесть участников эксперимента из семи сообщили, что видят совершенно новый цвет (одному из испытуемых все казалось серым) (см. [Billock, Gleason, Tsou 2001; Billock, Tsou 2010]).

Способна ли логика цветовых понятий позднего Витгенштейна ответить на этот экспериментальный вызов? На первый взгляд нет, ведь она исключает саму возможность красновато-зеленого цвета. Однако граница между логикой и эмпирией пролегает у Витгенштейна не там, где у классиков логического эмпиризма, – она подвижна и определяется употреблением. «Предложения, – отмечает он, – часто используются на границе между логикой и эмпирией, так что их значения с одной и с другой стороны границы меняются, и они оказываются то выражениями норм, то выражениями опыта. (Поскольку не сопутствующее психическое явление – как мы представляем себе “мысли” – но употребление отличает логическое предложение от эмпирического.)» [Wittgenstein 1977, 6–7].

Нормативный запрет на красновато-зеленый цвет ставит под сомнение сенсационную интерпретацию результатов экспериментов со стабилизацией изображения как наблюдения этого «запрещенного» цвета (см. [Suarez, Nida-Rümelin 2009; Ritter 2013; Lugg 2017])². В пользу такого сомнения свидетельствует косноязычие испытуемых, которые затруднялись в описании своего опыта, вообще не используя названия «красновато-зеленый» или «зеленовато-красный», но предпочитая выражения «красный и зеленый», «зеленый с красным блеском» или «красный с зелеными бликами» [Billock, Gleason, Tsou 2001, 2398]. Идет ли речь о восприятии нового цвета или всего лишь о динамических визуальных эффектах, о которых, собственно, и сообщали испытуемые: зеленый и красный поля дробились на части, накладывались друг на друга, менялись местами? «Заметки о цвете» Витгенштейна предвосхищают такие сомнения. «Но даже если бы, – замечает он, – существовали люди, для которых было бы естественно использовать выражения “красновато-зеленый” или “желтовато-голубой” на постоянной основе и которые, может быть, проявляли бы способности, которых нам не недостает, мы все равно не обязаны были бы признавать, что они видят *цвета*, которых мы не видим. В конце концов, нет *общепринятого* критерия для того, что такое цвет, если речь не идет об одном из наших цветов» [Wittgenstein 1977, 4].

Возможно ли вообще восприятие «не-наших» цветов? Вилейанур Рамачандран рассказывает о своем студенте-дальтонике с графемно-цветовой синестезией, который общался с зачаровывающих его «марсианских» цветах цифр. Однако его обычный перцептивный опыт был настолько беден, что это вполне может объяснить, почему цвета цифр, вероятно, присутствующие в опыте человека с обычным зрением, казались ему «марсианскими». Правда, синестеты, не являющиеся дальтониками, также сообщают о присутствии подобных «марсианских» цветов в их опыте восприятия букв, но речь в данном случае идет скорее о необычном «наслоении» друг на друга обычных цветов (см. [Ramachandran, Hubbard 2001; Рамачандран 2014]).

В рассказе Говарда Лафкрафта «Цвет из иных миров» (в других переводах «Сияние извне») повествуется о трагических событиях в пригороде городка Аркхэм, на который упал метеорит невообразимого, внеземного цвета: «Цвет глобулы... невозможно было определить словами, да и цветом-то его можно было назвать лишь с большой натяжкой – настолько мало общего имел он с земной цветовой палитрой» [Лавкрафт 2014, 62]. Витгенштейн не связывает, однако, нашу систему цветообозначений с «земной цветовой палитрой». «Мы обладаем системой цветов, – полагает он, – так же, как мы обладаем системой чисел. Преобладают ли эти системы в нашей природе или в природе вещей? Как мы можем это выразить? *Не* в природе чисел или цветов. Тогда есть нечто произвольное в этих системах? Да и нет. Оно родственно тому, что произвольно, и тому, что непроизвольно» [Wittgenstein 1967, 65–66]. Определенно отрицая, что система цветов содержится в их «природе», Витгенштейн не утверждает, вместе с тем, что она коренится в «нашей природе». Он уклоняется от выбора не случайно, как бы устраняя саму дилемму. Как отмечает Иоахим Шульте, «...он не хотел бы, чтобы наша природа и природа

вещей входили в уравнение порознь: нам предлагается увидеть, что существует место, в котором несколько факторов встречаются таким образом, который лишает их взаимной независимости и заставляет предстать неотъемлемой частью органического единства. Это единство называется языковой игрой» [Schulte 2017, 31–32].

Наши понятия не отражают жизнь, а «находятся посреди нее» [Wittgenstein 1977, 57]. Поэтому языковая игра с цветовыми понятиями не может вестись, подобно игре в шахматы, по сугубо конвенциональным правилам. Как отмечает Витгенштейн, мы могли бы назвать высказывание типа «Не существует зеленовато-красный» законом мысли. «Что пошло бы не так, если бы мы отрицали такие законы? Ничего: за исключением того, что это расстроило бы нашу систему. А это означает попросту, что это расстроило бы нас. Ибо это не означает, что больше нет никакой системы» [Wittgenstein 1976, 235]. Аргументом против корректировки общепринятых «законов мысли» могла бы быть ее непрактичность. Вместе с тем, грамматика языковой игры «должна позволить нам выразить множественность фактов» [Wittgenstein 1980^a, 8], находящихся «посреди» нашей формы жизни. Формы жизни исторически изменчивы, и система, допускающая зеленовато-красный и другие «запрещенные цвета», может оказаться весьма практичной в случае, например, массового производства доступных айтрекеров и накопления опыта обсуждения разнообразных оттенков «зеленого с красным блеском» или «красного с зелеными бликами». В других случаях, напротив, система цветовых понятий как таковая могла бы потерять практическое значение. «Предположим, – предлагает Витгенштейн, – я приехал в страну, где цвет вещей, как бы сказал я, постоянно меняется... Жители никогда не видят неизменных цветов. <...> Возможно, их язык был бы лишен слов для цветов. <...> Мы могли бы объяснить это, сказав, что для некоторых языковых игр они нужны мало или вообще не нужны» [Wittgenstein 1980^b, 198].

Чтобы понять, какое отношение вариативность языковых игр с цветовыми понятиями имеет к логике, Витгенштейн советует приглядеться к тому, как учатся использованию этих понятий с помощью языковых игр упорядочивания [Wittgenstein 1977, 30]. «Итак, – спрашивает он, – в какой степени вопрос о том, что кто-то может или не может выучить языковую игру, является вопросом логики, а не психологии? Я говорю: Кто не может играть в данную игру, не обладает данным понятием» [Ibid., 31].

Логика имеет дело не с эмпирическими объектами, но с внутренними отношениями понятий: «Внутреннее отношение никогда не является отношением между двумя объектами, но вы можете назвать его отношением между двумя понятиями. Предложение, утверждающее наличие внутреннего отношения между двумя объектами... не описывает объекты, но конструирует понятия» [Wittgenstein 1976, 73]. Именно взаимозависимость процедур конструирования понятий связывает их внутренними отношениями. Поэтому обучение новым языковым играм упорядочивания цветовых понятий способно открыть неожиданные внутренние отношения. Это обучение происходит в согласии с другими людьми, в том числе и синестетами, к которым принадлежал сам Витгенштейн. «Говоря “Гласная *e* для меня желтая”, – признается он, – я имею в виду “желтое” не в переносном значении – ведь иначе, чем с помощью понятия “желтое”, я не мог бы выразить то, что хотел сказать» [Витгенштейн 1994^a, 304]. Обычно синестеты приглашают в свои языковые игры при деликатном посредничестве искусства – цветных букв Артюра Рембо или Владимира Набокова, цветных нот Ференца Листа или Дюка Эллингтона. Витгенштейн посылает нам уникальное приглашение от имени логики, где, как и в искусстве, мы «всегда должны быть готовы встретиться с чем-то новым» [Wittgenstein 1977, 25].

* * *

Публикуемый ниже перевод фрагментов книги «Заметки о цвете» осуществлен А.С. Ильиной (под редакцией Е.Г. Драгалиной-Черной и З.А. Сокулер) по изданию: Wittgenstein, Ludwig (1977) *Bemerkungen über die Farben*, Anscombe, Elizabeth M. (Hg.) / *Remarks on Colour*, Anscombe, Elizabeth M. (ed.), McAlister, Linda L., Schattle, Margarete

(trans.), Blackwell, Oxford. Учитывая формат журнальной публикации, Е.Г. Драгалина-Черная и З.А. Сокулер провели отбор фрагментов, имевший целью представить основные темы, примеры и ходы мысли Витгенштейна. Примечания, воспроизводимые в переводе, принадлежат Э. Энском.

Примечания

¹ Согласно Жан-Полю Сартру, в искусстве цвет поверхности, обладающей собственной текстурой, как и отношение цвета к форме приобретают подлинный смысл лишь в сфере ирреального. Ковер на картине Матисса изображен ради «ворсистости» его красного цвета, а не красный цвет ради ковра. «Но если Матисс выбрал именно ковер, а не лист глянцевой бумаги, то он сделал это ради той вожделенной амальгамы, в которую сплавляются цвет, плотность и осязаемые качества шерсти. В результате мы можем наслаждаться красным цветом, лишь схватывая его как красный цвет ковра и, следовательно, как нечто ирреальное» [Сартр 2001, 311].

² Теоретико-игровой подход к логике «запрещенных цветов» предложен в [Dragalina-Chernaya 2013; Dragalina-Chernaya 2019].

Источники – Primary Sources

Вайсман 1998 – *Вайсман Ф.* Витгенштейн и Венский кружок // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология). М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. С. 44–68 [Waismann, Friedrich (1979) Wittgenstein and the Vienna Circle: Conversations (Russian Translation, 1998)].

Витгенштейн 1994^a – *Витгенштейн Л.* Философские исследования / Л. Витгенштейн. Философские работы Ч. 1. М.: Гнозис, 1994. С. 75–319 [Wittgenstein, Ludwig, Philosophischen Untersuchungen (Russian Translation 1994)].

Витгенштейн 1994^b – *Витгенштейн Л.* Культура и ценность / Л. Витгенштейн. Философские работы Ч. 1. М.: Гнозис, 1994. С. 494–577 [Wittgenstein, Ludwig, Vermischte Bemerkungen (Russian Translation 1994)].

Витгенштейн 2008 – *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М.: Канон+, 2008. [Wittgenstein, Ludwig, Tractatus Logico-Philosophicus (Russian Translation 2008)].

Витгенштейн 2009 – *Витгенштейн Л.* Некоторые замечания о логической форме / Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. М.: Канон+, 2009. С. 321–329 [Wittgenstein, Ludwig, Some Remarks on Logical Form (Russian Translation 2009)].

Витгенштейн 2013 – *Витгенштейн Л.* Из лекций 1932–1935 гг. (по записям Элис Эмброуз) // *Хинтиikka Я.* О Витгенштейне; Л. Витгенштейн. Из «лекций» и «заметок». М.: Канон+, 2013. С. 103–156 [Wittgenstein's Lectures, Cambridge 1932–35, from the Notes of Alice Ambrose (Russian Translation 2013)].

Рамсей 2011 – *Рамсей Ф.П.* Критические замечания о «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна // *Рамсей Ф.П.* Философские работы. М.: Канон+, 2011. С. 309–336 [Ramsey, Frank (1923) “Critical Notice of L. Wittgenstein's Tractatus Logico-Philosophicus”, *Mind*, Vol. 32, No. 128 (1923), pp. 465–78 (Russian Translation, 2011)].

Сартр 2001 – *Сартр Ж.-П.* Воображаемое. Феноменологическая психология воображения. СПб.: Наука, 2001 [Sartre, Jean-Paul, L'Imaginaire: psychologie phénoménologique de l'imagination (Russian Translation, 2011)].

Tarski, Alfred (1986) ‘What are Logical Notions?’, *History and Philosophy of Logic*, Vol. 7, No. 2, pp. 143–154.

Wittgenstein, Ludwig (1967) Zettel, Anscombe, Elizabeth M., von Wright, Georg H. (eds.), Anscombe, Elizabeth M. (trans.), Blackwell, Oxford.

Wittgenstein, Ludwig (1975) Philosophical Remarks, Rhees, Rush (ed.), Hargreaves, Raymond, White, Roger (trans.), Blackwell, Oxford.

Wittgenstein, Ludwig (1976) Wittgenstein's Lectures on the Foundations of Mathematics, Cambridge 1939, Diamond, Cora (ed.), The Harvester Press Ltd., Hassocks, Sussex, 1976.

Wittgenstein, Ludwig (1977) Bemerkungen über die Farben, Anscombe, Elizabeth M. (Hg.) / Remarks on Colour, Anscombe, Elizabeth M. (ed.), McAlister Linda L., Schattle, Margarete (trans.), Blackwell, Oxford.

Wittgenstein, Ludwig (1980^a) Wittgenstein's Lectures, Cambridge 1930–32, from the Notes of John King and Desmond Lee, Lee, Desmond (ed.), Blackwell, Oxford.

Wittgenstein, Ludwig (1980^b) Remarks on the Philosophy of Psychology, Vol. 1, Anscombe, Elizabeth M. von Wright, Georg H. (eds.), Anscombe, Elizabeth M. (trans.), University of Chicago Press, Chicago.

Ссылки – References in Russian

- Лавкрафт 2014 – *Лавкрафт Г.* Сияние извне // *Лавкрафт Г.* За гранью времен. СПб.: Азбука, 2014. С. 52–98.
- Монк 2018 – *Монк Р.* Витгенштейн. Долг гения. М.: Дело, 2018.
- Рамачандран 2014 – *Рамачандран В.* Мозг рассказывает. Что делает нас людьми. М.: Карьера пресс, 2014.
- Рахилина 2008 – *Рахилина Е.В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008.

References

- Billock, Vincent, Gleason, Gerald, Tsou, Brian (2001) “Perception of Forbidden Colours in Retinally Stabilized Equiluminant Images: an Indication of Softwired Cortical Colour Opponency?”, *Journal of the Optical Society of America*, Vol. 18, No. 10 (2001), pp. 2398–2403.
- Billock, Vincent, Tsou, Brian (2010) “Seeing Forbidden Colours”, *Scientific American*, Vol. 302, No. 2 (2010), pp. 72–77.
- Crane, Hewitt, Piantanida, Thomas (1983) “On Seeing Reddish Green and Yellowish Blue”, *Science, New Series*, Vol. 221, No. 4615 (1983), pp. 1078–1080.
- Dragalina-Chernaya, Elena (2013) “The Logic of Forbidden Colours”, *Epistemology and Philosophy of Science*, Vol. 38, No. 4 (2013), pp. 136–149.
- Dragalina-Chernaya, Elena (2019) “Surprises in Logic: When Dynamic Formality Meets Interactive Compositionality”, *Philosophy of Logic and Mathematics, Proceedings of the 41st International Ludwig Wittgenstein Symposium*, Vol. 27 (2019), De Gruyter, Berlin, Boston, pp. 197–212.
- Hacker, Peter (1972) *Insight and Illusion: Themes in the Philosophy of Wittgenstein*, Clarendon Press, Oxford.
- Katz, David (1935) *The World of Colour*, Kegan Paul, Trench, Trubner and Co, London.
- Lovecraft, Howard (1939) *The Outsider and Others*, Arkham House, New York, Sauk City (Russian Translation 2014).
- Lugg, Andre (2017) “Impossible Colours: Wittgenstein and the Naturalist’s Challenge”, *How Colours Matter to Philosophy*, Silva, Marcos (ed.), Springer, pp. 107–121.
- Monk, Ray (1990) *Ludwig Wittgenstein: The Duty of Genius*, Penguin, London (Russian Translation, 2018).
- Ramachandran, Vilayanur, Hubbard, Edward (2001) “Synaesthesia – A Window into Perception, Thought and Language”, *Journal of Consciousness Studies*, Vol. 8, No. 12 (2001), pp. 3–34.
- Ramachandran, Vilayanur (2011) *The Tell-Tale Brain: A Neuroscientist’s Quest for What Makes Us Human*, W.W. Norton & Company, New York (Russian Translation, 2014).
- Ramsey, Frank (1923) ‘Critical Notice of L. Wittgenstein’s *Tractatus Logico-Philosophicus*’, *Mind*, Vol. 32, No. 128 (1923), pp. 465–78 (Russian Translation, 2011).
- Rakhilina, Elena (2000) *Cognitive Analysis of Subject Names: Semantics and Compatibility*, *Russkie slovari*, Moscow (in Russian).
- Ritter, Bernhard (2013) “‘Reddish Green’ – Wittgenstein on Concepts and the Limits of the Empirical”, *Conceptus: Zeitschrift für Philosophie*, Vol. 42, No. 101–102 (2013), pp. 1–19.
- Schulte, Joachim (2017) “We Have a Colour System as We Have a Number System”, *Gierlinger, Frederik, Riegelnik, Stefan (eds.) Wittgenstein on Colour*, De Gruyter, Berlin, pp. 21–32.
- Schlick, Moritz (1979) “Is there a Factual a Priori?”, *Moritz Schlick, Philosophical Papers*, Vol. II (1925–1936), Mulder, Henk, van de Velde-Schlick, Barbara (eds.), D. Reidel, Dordrecht, pp. 161–175.
- Suarez, Juan, Nida-Rümelin, Martine (2009) “Reddish Green: A Challenge for Modal Claims About Phenomenal Structure”, *Philosophy and Phenomenological Research*, Vol. 78, No. 2 (2009), pp. 346–391.

Сведения об авторе

ДРАГАЛИНА-ЧЕРНАЯ Елена Григорьевна – доктор философских наук, профессор, заведующая Международной лабораторией логики, лингвистики и формальной философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Author’s Information

DRAGALINA-CHERNAYA Elena G. – DSc in Philosophy, Professor, Head of the International Laboratory for Logic, Linguistics and Formal Philosophy of the National Research University Higher School of Economics.